

Илья Сульжицкий

кандидат социологических наук, исследователь в университете Грайфсвальда (Германия), исследователь в Европейском гуманитарном университете (Литва). Научные интересы: memory studies, Holocaust studies, культурсоциология, компьютерные социальные науки, теоретическая социология.

Фото Mariusz Michalik

Категории «темный туризм» и «танатотуризм» в современных исследованиях культурного наследия

Илья Сульжицкий

Categories of «Dark Tourism» and «Thanatotourism» in contemporary heritage studies

The article of the researcher of EHU Centrum for Belarusian and Regional Studies Ilya Sulzhickiy is devoted to explanation theories and research methodologies for «Dark tourism» notion. This notion, surrounded with lots of academic and practical approaches, is still underexamined and thus opens new perspectives for critical heritage studies. Another important aspect of the paper – problematization of a dominating European perspective on «Dark Tourism» and «thanatoopsis» as cultural phenomena. The author calls for widening of research perspectives and using the methods of cultural anthropology and sociology for further studies.

Несмотря на то, что по замечанию Филипа Стоуна и Ричарда Шарпли, «людей издавна тянуло ... к местам, достопримечательностям или событиям, так или иначе связанным со смертью, страданием, насилием или катастрофой» [11], в XX веке эта тяга стала особенно заметной. Войны, геноцид, политические убийства, репрессии, концентрационные лагеря, случаи массовой насильственной гибели людей – все это значительно расширило «репертуар» предложений, удовлетворяющих столь необычные туристические запросы. Одна только Вторая мировая война оставила после себя память, не столько воспевающую военные подвиги, сколько предостерегающую от повторения истории: концентрационные лагеря и лагеря смерти, гетто, уничтоженные деревни и города. При этом появление большого количества «темных» мест и рост их популярности приводит к известному противоречию: объекты, создававшиеся с образовательными, воспитательными и коммеморативными целями все чаще становятся местами развлечения и коммерциализации.

Возможно, такое наследие как Аушвиц или Кигали не просто позволяет человеку взглянуть на темную сторону истории, но и преподносит очищенный, дистанцированный и, в каком-то смысле, комфортный опыт жизни и смерти в моменты исторических катастроф. Это помогает человеку вернуть чувство безопасности и убедиться в «нормальности» его собственной жизни.

Чтобы разобраться в такой трудной и неоднозначной теме, исследователи создают множество категорий, наиболее известными из которых стали «танатотуризм» и «темный туризм». Появление последних, помимо прочего, связано с необычным фокусом туристической активности, которая превращает репрезентацию и проживание ситуаций, связанных с массовым насилием и гибелью людей, в элемент досуга. При том, что количество публикаций на тему темного туризма продолжает расти [8], сам термин не получил однозначного определения, и о нем говорят как о «теоретически хрупком» [11].

В данной статье я намерен кратко обозначить различия между категориями «темный туризм» и «танатотуризм» и продемонстрировать сложности, с которыми могут столкнуться Heritage studies при работе в этой теоретической рамке.

Танатоопсис и танатотуризм

Впервые категория «темный туризм» была использована в 1996 году на страницах журнала INTERNATIONAL JOURNAL OF HERITAGE STUDIES. Идеи, высказанные Тони Ситоном, Джонном Ленноном и Малкольмом Фоули, до сих пор вдохновляют исследователей темного туризма по всему миру. При этом авторы не только заложили основания для дальнейшего изучения «темных» мест, но и предложили изначально отличающиеся друг от друга теоретические подходы, вокруг которых до сих пор ведутся дебаты. В то время, как Леннон и Фоули [5]

делали акцент на современных местах темного туризма и связывали этот феномен с наступлением постмодерна (с его тягой к зрелищности, развлечениям и перформативности), Ситон [9] пытался понять более универсальные мотивы и практики посещения «темных мест», характерные для европейской культуры. Вместо того чтобы говорить о темном туризме (термине достаточно размытом и неоднозначном), Ситон сосредоточился на предложенной им категории «танатоопсис». Согласно Ситону, танатоопсис – это феномен созерцания смерти, а также стимулы, побуждающие к этому. Более широкая трактовка связана не только с мотивами и поведением, но и с культурой. Танатоопсис объединяет все способы репрезентации смерти в конкретном сообществе: символы, ритуалы и материальные объекты, посредством которых индивиду передается идея смерти [9, 235].¹

Ситон утверждает, что танатоопсис уходит корнями в культуру средневековой Европы [9, 235–237]. По его мнению, один из ярких примеров танатоопсиса – это Макабр или Пляска смерти. Макабр является известным сюжетом в литературе и искусстве, получившим распространение в Европе X–XI веков. В центре сюжета находится Смерть, уводящая за собой людей вне зависимости от их возраста, социального статуса, пола или вероисповедания. Частые случаи массового голода, эпидемий, войн в совокупности с танатологическими и эсхатологическими воззрениями христианского вероучения заложили прочную основу для того, чтобы смерть стала неотъемлемой частью средневековой культуры.²

По замечанию Ситона, репрезентация смерти (часто насильственной и мучительной) стала важным элементом политического и религиозного дискурса средневековой Европы.³ Церковь использовала репрезентацию смерти и пыток как иллюстрацию наказаний за грехи или участия в ереси. Политики также прибегали к подобным методам. Система публичного наказания в средневековой

1 Ситон определяет «идею смерти» достаточно широко – это и идея собственной смерти, и смерти других, нормированной и ненормированной (вызывающей страх, отвращение или панику).

2 В период Позднего Средневековья идея смерти трансформируется: смерть становится не только неизбежной, но и мрачно-беспощадной. Этому опять же способствовали мор, голод, частые войны и религиозные гонения.

3 В качестве примера Ситон упоминает Книгу мучеников Фокса, в которой излагается история гонений на христиан и возникновения протестантизма. В книге подробно описывались пытки и смерть протестантских святых, что также рассматривается как пример танатоопсиса.

4 Нечистое – это оборотная сторона сакрального, связанная с его двойственностью. Является фундаментальным свойством культуры. Нечистое представляет собой гипостазированный и выраженный в символах коллективный опыт разрушения социального и символического порядка, обозначающийся в культуре как «зло»; несанкционированное нарушение границ между обыденным миром (индивидуальным) и миром священным (коллективным).

5 Согласно верованиям жителей острова Калимантан, человек должен быть похоронен два раза: в первом случае труп временно оставляют в специальном месте до тех пор, пока душа не отделится от тела. Только потом наступают «вторые» похороны.

6 Ситон ссылается на знаменитое эссе Томаса де Квинси «Убийство как одно из изящных искусств» в качестве образца, иллюстрирующего изменения представлений о смерти в эпоху романтизма. В центре внимания эссе уже не абсолютная смерть, нуждающаяся в ритуальном приручении, а соблазняющая и запретная светская смерть, убийство. С этим Ситон связывает важный сдвиг европейской культуры от ритуального обращения со смертью к потреблению смерти.

7 Согласно Ситону, Ватерлоо и Помпеи становятся одним из первых наиболее популярных мест темного туризма.

Европе служила своеобразной практикой танатоопсиса. Такие «мероприятия» собирали много зрителей, а способ наказания выполнял глубокую символическую и социальную функцию, отделяя знать от черни, преступников от еретиков [4].

Предполагая, что танатоопсис – явление преимущественно европейское, Ситон сохраняет академическую скромность. Ритуалы и сюжеты, такие или иначе связанные с созерцанием смерти, распространены в множестве культур. Классик социологии Эмиль Дюркгейм [3], изучая материалы о жизни австралийских аборигенов, пришел к выводу, что ориентированные на умирание ритуальные практики предоставляют собой частный случай целого класса действий по отношению к «нечистому»⁴. Об идеях смерти и души как необходимом элементе культуры писали классики антропологии Джеймс Фрейзер, Эдуард Тайлор, Арнольд ван Геннеп, Бронислав Малиновский, Альфред Радклифф-Браун и другие.

Существует даже «антропология смерти», создателем которой считается Роберт Герц. Согласно Герцу, ритуалы, связанные с погребением, являются неотъемлемой и важной частью культуры любого общества [2]. В то время как средневековая «Пляска смерти» остается скорее аллегорией, существуют ритуалы, в которых живые напрямую взаимодействуют с мертвыми. Такие обряды сохранились у народов Азии, Тихоокеанского региона, Африки, Северной и Южной Америки. К примеру, описанный Герцем обряд двойных похорон жителей острова Калимантан является любопытным воплощением идеи о границе между биологической и социальной смертью.⁵ Примечательно, что во время проведения ритуала разлагающийся труп намеренно выставляется на всеобщее обозрение чтобы «зафиксировать» момент перехода души. Другой яркий пример – обряд «Фамадихана» на острове Мадагаскар. Во время него мертвеца периодически достают из места за-

хоронения и всячески с ним взаимодействуют: разговаривают, танцуют (вот где настоящий Макабр!), и даже пьют.

Таким образом, танатоопсис в виде ритуальных практик созерцания и передачи идеи смерти не является исключительно европейским «изобретением», а присутствует во многих культурах и по сей день. Подобные обряды, по-видимому, служат социальной регламентации и «приручению» процесса умирания как такового. Как замечает Герц, смерть – это то немногое, что не находится во власти человека или общества. Наличие сложных и публичных похоронных церемоний – не только забота о своих ушедших членах, но и попытка вернуть контроль, санкционировать умирание постфактум.

Если поиск истоков танатоопсиса именно в европейской культуре все же подвергается серьезной критике со стороны (как минимум) богатой на примеры антропологии, то замечания Ситона относительно дальнейшего развития этого феномена заслуживают более пристального внимания. Во время изучения танатоопсиса эпохи Романтизма [9, 237–239] Ситон замечает переход от религиозной регламентации смерти в сторону частных развлечений.⁶ Уже в XVIII веке формируется запрос на острые переживания, связанные со смертью, ужасом, болезнью, мистикой и нечистым. Это коснулось и туризма. Как пишет Ситон, «в 1770–1830 годах в Европе широко развивались путешествия, включавшие танатооптические элементы» [9, 239]. Популярность посещения мест смерти известных людей, мест сражений, тюрем, исправительных домов, катакомб и мест казни стала расти.⁷

Таким образом, в основе танатоопсиса периода Романтизма лежит уже не аскетическое принятие неотвратимости смерти, а скорее влечение к сверхинтенсивным личным переживаниям. Эти изменения происходят на фоне развития науки и капитализма, разрушающих сформированную в средние века христианскую картину мира с ее особым

Туристы в нацистском
концентрационном лагере
Кадр из фильма Сергея Лозницы
«Аустерлиц» (2016)

отношением к смерти. Танатоопсис приобретает форму *танатотуризма* – светского созерцания смерти в развлекательных целях. Громкие места страдания и гибели людей становятся точкой притяжения для широкой публики.

В конечном счете Ситон предлагает рассматривать «темный туризм» как танатотуризм, а последний как разновидность танатоопсиса [9, 240–242]. Для Ситона танатотуризм в меньшей степени связан с характеристиками самого места. Это поведенческая категория, в основе которой лежит мотивация «созерцать смерть». Формы танатотуризма расположены между двух противоположностей. На одном полюсе находится чистое желание созерцать смерть, причем путешественник не знает умерших лично. На втором полюсе – эмпатическое созерцание смерти, когда умершие имели особую значимость.

Недоработка Ситона – смешение разнородных «темных» мест на основе танатооптических мотивов без внимания к различиям между потребительским танатотуризмом и более «духовным» опытом, в котором доминируют сложные мотивы: память, вера, эмпатия, катарсис и образование (при этом посетители могут не знать умерших лично). В его теории посещение Колизея, мест преступлений Джека-потрошителя и Аушвиц-Биркенау классифицируется одинаково [9, 241], что вызвало в дальнейшем серьезную критику.

Темный туризм и его современные интерпретации

Другая точка зрения на темный туризм, предложенная Ленноном и Фоули, акцентирует внимание на местах, связанных со смертью, а не на танатооптических мотивах. Такая широкая трактовка привела к росту популярности термина «темный туризм» в противовес «танатотуризму» [8]. «Темный туризм» стал объединяющим для любых видов туризма,

связанных со смертью, страданиями, трагедиями и т. д. В отличие от Ситона, Леннон и Фоули считают, что темный туризм – явление, получившее распространение во второй половине XX века [5, 199]. Темный туризм приобрел стремительную популярность на волне развития СМИ, мобильности и общества потребления, когда люди получили мгновенный доступ к информации о резонансных случаях смерти и возможность посетить само место происшествия. К сожалению, Леннон и Фоули мало уделили внимания вопросам мотивации, ожиданий и опыта посетителей.

Позже другие авторы при участии Леннона, Фоули и Ситона расширяют категорию «темный туризм», например его временные рамки: темный туризм связывается не только с современностью, но и с другими периодами, как и указывал Ситон. Этот шаг спровоцировал еще большие дебаты: если в первоначальной версии Ситона танатотуризм достаточно четко обозначался как стремление некоторых путешественников «созерцать смерть», то «темный туризм», казалось, способен вобрать вообще все.

Именно тут и возникают вопросы. Что считать темным туризмом и какие места могут быть обозначены как «темные»? Если «темный» туризм как-то связан с запретными, трансгрессивными и ненормальными увлечениями, что делать с такими местами, как Аушвиц или Граунд-Зиро? Если нет, тогда зачем использовать «темноту» в качестве необходимой характеристики?

На фоне указанных противоречий концепция темного туризма продолжала уточняться и переосмысливаться, в том числе эмпирическими исследованиями. Уже позже Леннон замечает, что «Память, история и ее проблематичная и контрастная репрезентация в центрах наследия и интерпретация «темных» мест является результатом сложного взаимодействия контрастных восприятий, идеологий и интересов» [7, 7]. При этом

некоторые ученые считают, что в основе темного туризма могут лежать различные мотивы, ожидания и опыт, вообще не связанные со смертью.

Сложность также в том, что «темные» места особой значимости, связанные с памятью, образованием и духовным опытом, становятся объектами массового потребления. Этот факт часто упускается из виду теми, кто скептически относится к термину темный туризм и предпочитает вести речь о более морально нагруженных категориях. Тем не менее, именно туристическая инфраструктура с сувенирами, кафе и удобными парковками делает эти места такими, какие они есть сегодня. Леннон прав: в том числе и благодаря туристам ведутся переговоры о возможных интерпретациях таких травматических событиях как Холокост.⁸ С другой стороны, коммерциализация, сопровождающая развитие туристической инфраструктуры в местах смерти и страданий людей, остается основным пунктом критики не только в академических кругах, но и среди рядовых посетителей.

Несмотря на имеющиеся трудности, теория темного туризма продолжает развиваться. Так, Стоун создал одну из наиболее известных и цитируемых типологий «поставщиков» темного туризма. Он рассуждает не о конкретных темных местах, а о «спектре темноты», связанном с различными туристическими предложениями. Эта классификация обозначается как «A Dark Tourism Spectrum», в которой присутствует 7 типов поставщиков темного туризма [12, 150–157].

Стоун полемизирует с тем, что темный туризм – это феномен исключительно потребительского спроса, не связанный с характеристиками конкретных мест. Имеет значение даже то, на каком расстоянии туристический объект находится по отношению к месту, где происходило реальное событие. Также важна временная связь между событием и его репрезентацией в настоящем. Для этого Стоун использует термин «хронологическая дистанция».⁹ Помимо хронологической дистанции существует и поведенческое измерение, позволяющее говорить о «степени темноты» – это персональный интерес и

8 К примеру, отзывы посетителей Аушвица затрагивают вопросы относительно Холокоста рома и синти, убийства в лагерях советских военнопленных, участие местного населения в Холокосте и т. д.

9 Термин предложен Ленноном и Фоули. Подробнее см. [6]

¹⁰ При том, что Стоун размещает лагерь смерти в самом темном крае «спектра», другие исследователи часто высказывают озабоченность постепенным превращением таких мест, как Аушвиц, в «парк развлечений». Примечательно, что такую же позицию занимают и некоторые туристы. По-видимому, статус даже таких мест, где концентрация тематики смерти и страдания является максимальной, начинает меняться по мере исчезновения свидетелей и перехода «живой» памяти в состояние пост-памяти, описанной Марианной Хирш.

¹¹ В одном из исследований было продемонстрировано, что мотивы туристов более разнообразны, и включают в себя популярность места, образовательный опыт, эмоциональные переживания, а также желание «оживить» и сделать для себя историю более наглядной. Примечательно, что интерес к смерти является наименее важной причиной для посещения. Подробнее см. [1]

включенность туриста в переживание и наблюдение смерти.

Темная и светлая сторона спектра выстраивается на основании ряда оппозиций: образование / развлечение, история (память) / наследие (потребление), аутентичность / неаутентичность, короткая / длинная временная дистанция, отсутствие / наличие смерти как части коммерческого предложения, слабая / развитая туристическая инфраструктура [12, 151]. В данном случае интересна не только сама типология, но и некоторые замечания Стоуна относительно нее. Во-первых, он весьма удачно использует идею Леннона и Фоули о хронологической дистанции. Стоун замечает, что по прошествии времени места, связанные с гибелью людей, коммерциализируются и передвигаются ближе к светлой стороне спектра. По мере привлечения все большего количества туристов с одной стороны и ослабления морального контроля с другой (снятие травматического эффекта) начинается развиваться туристическая инфраструктура. Во-вторых, Стоун справедливо отметил непостоянство статуса темных мест,

которые могут в зависимости от различных факторов двигаться в ту или иную сторону «спектра». Наиболее темные стороны «спектра» ассоциируются с лагерями смерти и другими местами геноцида в различных уголках земного шара.¹⁰

Несмотря на кажущуюся универсальность, типологические подходы к темному туризму критикуются по целому ряду причин: ориентация на западного туриста, отсутствие ясной методологии, упрощение или даже игнорирование реального опыта и мотивов посетителей. Действительно, многие исследователи ставят под сомнение нахождение мест насилия и геноцида в одном ряду с другими объектами темного туризма.¹¹

Туристы в нацистском
концентрационном лагере
Кадр из фильма Сергея Лозницы
«Аустерлиц» (2016)

Заключение

Среди широкого перечня объектов культурного наследия существуют места, вызывающие у человека «темные», нежелательные для повседневного мира чувства вины, сожаления, горя, отвращения и шока, но при этом все равно пользующиеся популярностью. Такие места имеют особый статус, они часто используются политиками, активистами, представителями гражданского общества и обывателями как ресурс в переговорах и конфликтах по поводу того или иного исторического события. Места насилия воплощают в себе фигуры жертв и преступников, идеи добра и зла, искупления, наказания и справедливости. Они вводят новые моральные измерения в понимании истории, такие как коллективная память, идентичность, травма и забвение. Такое «трудное» наследие не только представляет прошлое в настоящем, но и связывает настоящее с будущим. Посещение подобных объектов впечатывается в опыте через острые переживания, многократно усиливающиеся материальными свидетельствами произошедших событий (орудия преступления, останки жертв, их одежда и другие артефакты).

Попытки ученых понять, что отличает эти объекты культурного наследия от других, привели к созданию исследовательского направления, объединяемого двумя категориями: «танатотуризм» и «темный туризм». Однако использование этих категорий требует известной доли осторожности. Существует серьезный риск подмены аналитических инструментов идеологическими и другими клише, которые не проходят «проверку реальностью».

В случае родственных категорий «танатотуризм» и «танатоопсис» основные риски связаны с «европеизацией» практик «созерцания смерти», а также с предположением о важности мотива «созерцать смерть» среди туристов. Потенциал данного направления заключается в дальнейшей интеграции с *Death studies*, изучением более глубоких связей туризма и смерти в современном обществе [8].

Что касается категории «темный туризм», то несмотря на объединяющий эффект, ее использование продолжает вызывать серьезные разногласия. У данной категории все еще отсутствует прочная теоретическая основа, а дефиниции размыты. Высказываются сомнения, что темный туризм вообще существует как явление и чем-то отличается от более универсального и понятного туризма наследия.

На фоне существующих проблем имеет смысл перейти от непосредственно туризма к изучению опыта и эмоций людей, которые оказываются в местах (не обязательно туристических), связанных со смертью. Такая перспектива предлагает расширение дисциплинарных и методологических рамок и включение в повестку таких объектов, как забытые и брошенные *не-места памяти* которые, по замечанию Ромы Сендыки [10], «преследуют» посетителей даже несмотря на отсутствие какой-либо туристической инфраструктуры, мемориализации и репрезентации смерти.

Использованная литература

- [1] Biran, A. Sought experiences at (dark) heritage sites / A. Biran, Y. Poria & G. Oren // *Annals of Tourism Research*, Vol. 38, № 3, 2011. P. 820–841.
- [2] Герц Р. Смерть и правая рука. Москва: ARS Press, 2019. 264 с.
- [3] Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. Москва: Элементарные формы, 2018. 808 с.
- [4] Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Москва: Ad Marginem, 1999. 480 с.
- [5] Foley M., Lennon, J. J. JFK and dark tourism: A fascination with assassination // *International Journal of Heritage Studies*, Vol. 2, № 4, 1996. P. 198–211
- [6] Lennon J. J., Foley M. *Dark Tourism: the Attraction of Death and Disaster*. London: Cassell, 2000
- [7] Lennon J. Dark Tourism // *Oxford Research Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice*. Oxford University Press, 2017. 26 p.
- [8] Light D. Progress in dark tourism and thanatourism research: An uneasy relationship with heritage tourism // *Tourism Management*, № 61, 2017. P. 275–301.
- [9] Seaton A. V. Guided by the dark: From thanatopsis to thanatourism // *International Journal of Heritage Studies*, Vol. 2, № 4, 1996. P. 234–244.
- [10] Sendyka R. Sites that haunt: Affects and non-sites of memory // *East. European Politics and Societies*, № 4, 2016. P. 687–702.
- [11] Stone P., Sharpley, R. Consuming dark tourism: A Thanatological Perspective // *Annals of Tourism Research*, Vol. 35, № 2, 2008. P. 574–595.
- [12] Stone P. A dark tourism spectrum: Towards a typology of death and macabre related tourist sites, attractions and exhibitions // *Tourism: An international Interdisciplinary Journal*, № 54, 2006. P. 145–160.